

Раренко М.Б.

Перевод как инструмент познания «другого»¹

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, rarenco@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с перевос-
созданием в процессе перевода национальной картины мира, воспроиз-
водимой в художественном произведении. Особое внимание уделяется
вопросам передачи национального дискурса. Отмечается, что переводчик
выполняет роль посредника между автором и читателем, не только гово-
рящими на разных языках, но и принадлежащими разным культурам,
имеющим разный культурный фон. Важным этапом процесса перевода
должен стать предпереводческий анализ текста, позволяющий рассматри-
вать переводимый текст как целостную систему. Вдумчивое использо-
вание переводчиком стратегий доместикации и форенизации позволяет
рассматривать перевод как инструмент познания «чужого».

Ключевые слова: перевод; художественный перевод; переводческие
стратегии; доместикация; форенизация; И.А. Гончаров; национальная кар-
тина мира.

Поступила: 26.06.2022

Принята к печати: 16.08.2022

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ИНИОН РАН по
теме «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий»: <http://inion.ru/ru/science/temy-nir/lingvokulturnye-aspekte-tsivilizatsionnykh-protivorechii/>

Rarenko M.B.

Translation as an instrument to study «another»

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow, rarenco@rambler.ru*

Abstract. The article deals with the issues related to re-creating the national picture of the world reproduced in a literature work when translating. The focus is on the transmission of the national discourse. The paper considers the translator acts as an intermediary between the author and the reader, both speaking different languages and born onto different cultures. A relevant state of translation process relates to pre-translation analysis of the text, which allows us to consider the translated text as an integral system. Reasonable use of domestication and foreignization strategies by the translator helps to consider translation as a tool of cognition of «another».

Keywords: translation; translation of fiction; translation strategies; domestication; foreignization; I.A. Goncharov; national picture of the world.

Received: 26.06.2022

Accepted: 16.08.2022

Введение

Признанные в настоящее время две основные тенденции при переводе художественного произведения – доместикация и форенизация – весьма успешно применяются сегодня переводчиками. Под «доместикацией» понимается стратегия, в результате которой читателю предлагается перевод, «предполагающий приспособление результирующего текста культурно-языковой ориентации к целевой аудитории» [Базылев, Войнич, 2011, с. 57]. Такой перевод характеризуется рядом особенностей, благодаря которым он легко воспринимается целевой аудиторией: использование переводчиком современного аудитории языка, отсутствие в тексте жаргонизмов и сленгизмов, иностранных слов, а также использование семантически точного синтаксиса, т.е. понятного, «одомашненного», передающего мысли оригинала. Под «форенизацией» понимается стратегия пере-

вода, цель которого заключается в намеренном «сохранении формы оригинала в ущерб языку и культуре перевода», т.е. «перевод, выполненный с максимальным сохранением национальной культурно-языковой идентичности авторского текста» [Базылев, Войнич, 2011, с. 80]. Дополняя друг друга, эти стратегии перевода помогают иноязычному читателю лучше понять художественное произведение, изначально созданное на другом языке, в контексте иной культуры.

Перевод художественного произведения, несмотря на многовековую практику, до сих пор остается в поле внимания специалистов разных гуманитарных областей знания, а переводчики-практики по-прежнему делятся профессиональными тонкостями, что неудивительно, потому что удачный перевод – это всегда результат применения переводчиком его знаний, умений, навыков в сочетании с его интуицией, художественным мышлением, уважением к автору текста и многоего другого.

Как и много веков назад, когда переводческая деятельность только зарождалась, к переводчику предъявляются по сути те же самые требования – перевод должен отражать подлинник, однако с течением времени требования к «хорошему» переводу претерпевают значительные изменения: современную читательскую аудиторию уже не удовлетворяет только передача содержания оригинала.

Потребность человека в новых знаниях, в получении новых эмоций – неотъемлемая часть его жизни, как и любопытство, тем более в отношении других людей, говорящих на других языках, имеющих другую культуру. Конечно, есть много разных способов удовлетворить свое любопытство, например путешествия, тем более в то время, когда технический прогресс позволяет совершать перемещения в практически любые точки планеты сравнительно быстро, однако чтение художественной литературы, вопреки пессимистическим прогнозам последней четверти XX в., до сих пор остается самым востребованным способом познания другого.

Художественная литература как источник познания «другого»

Воссоздаваемая в художественном произведении картина мира опосредована авторским мировосприятием. Вошедшие в «золотой фонд» мировой литературы произведения отличает их тесная связь с национальной культурой, что представляется вполне

объяснимым, поскольку интерес к иной культуре, быту, мировоззрению и мировосприятию никогда не теряет актуальности.

В истории человечества есть периоды, когда наблюдается всплеск интереса к «чужому», вызванный часто желанием понять самих себя, поскольку различия ярче и контрастнее проявляются в сопоставлении. В XIX в. в Европе отмечается повышенный интерес к изучению своей национальной культуры в сопоставлении с другими. Ученые изучают национальный фольклор (например, братья Гримм выпускают собрание немецких сказок), пытаясь в нем найти объяснения национальной самобытности, литераторы пишут «национальные характеры» и пр. Так, И.А. Гончаров неоднократно отмечал, что пишет свои произведения исключительно «для русских», поскольку другим его произведения будут непонятны в силу их национальной специфики. Стоит ли упоминать, что к переводам своих произведений на иностранные языки писатель относился с большой долей скептицизма?

Тем не менее именно переводные произведения стали и продолжают оставаться одними из основных способов познания «другого», и выработанные в течение многих столетий принципы перевода оказывают в этом большую помощь.

По свидетельству современников и литературных критиков, роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» признается «энциклопедией русской жизни», поскольку в нем отразились совершенно разные аспекты современной писателю русской жизни – как деревенской, так и светской городской – с ее бесконечными балами, светскими приемами и пр. Жизнь разных слоев русского общества представлена и в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», и в романе-эпопее А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Быт русского общества разных периодов широко представлен и в произведениях А.Н. Островского, А.П. Чехова и др.

Однако в художественном произведении изображаются не только особенности быта, нравов, национальных традиций, но и особенности национального дискурса – то, как происходит общение в данном социуме. Многие писатели уделяли внимание, используя термин М.М. Бахтина, «речи изображенной». Так, описывая светское общение в России в начале XIX в., Л.Н. Толстой воспроизводит на страницах своего романа беседу пришедших в салон Анны Шеррер на французском языке, а И.А. Гончаров в романе «Обломов», характеризуя общение в Обломовке, замечает, что молчание в разговорах обломовцев играет не менее важную роль, чем обмен репликами.

М.М. Бахтин в статье «Проблема речевых жанров» (1953–1954) задается вопросом о том, как происходит коммуникация, и приходит к выводу о том, что «мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим» [Бахтин, 1997, с. 180–181], данным нам так же, как и родной язык [Бахтин, 1997, с. 181]. М.М. Бахтин утверждает, что «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые <формы – М.Р.>» [Бахтин, 1997, с. 159], которые он называет речевыми жанрами. Таким образом, общение, согласно М.М. Бахтину, происходит по определенным, принятым в данном национальном сообществе правилам. Подтверждают замечание М.М. Бахтина и современные исследования, посвященные разным аспектам национального коммуникативного поведения. Так, А.В. Сергеева отмечает, что «особенности национальной культуры, психологии и ментальности отражаются в речи, в системе словоупотребления, придают особенный колорит картине мира», в то время как «речь любого человека всегда жестко определена системой его родного языка» [Сергеева, 2007, с. 11]. Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин также подчеркивают, что «коммуникативное поведение является компонентом национальной культуры» [Прохоров, Стернин, 2007, с. 35].

Воссоздание в переводе прямой речи персонажей как переводческая проблема

Как показывает обзор научной литературы по проблемам художественного перевода, одним из актуальных вопросов и в то же самое время одним из сложных сегодня признается передача прямой речи при переводе с одного языка на другой. Это связано, прежде всего, с тем, что не всегда «речевые жанры» осознаются переводчиком и, соответственно, воссоздаются при переводе. Более того, находясь под влиянием своих культурно обусловленных речевых паттернов, переводчик воспроизводит «свои» «речевые жанры», склоняясь к стратегии доместификации в своем искреннем (и благородном в своей основе) порыве «облегчить» читателю процесс чтения переводного произведения.

Рассмотрим несколько примеров. В уже упомянутом романе И.А. Гончарова «Обломов» авторское повествование, представ-

ляющее собой описание, сменяется довольно пространными диалогами персонажей, которые, на первый взгляд, кажутся бессмысленными, о чем, например, упоминали такие исследователи, как М. Эре [Ehre, 1973], Е.Г. Эткинд [Эткинд, 1998]. Е.Г. Эткинд, анализируя разговор между Обломовым и Захаром, предшествующий их переезду с улицы Гороховой, пишет, что их разговор – это «разговор глухих», что «обмен репликами, основанный на волюющем смыслловом недоразумении, не только не ведет к взаимопониманию, но даже, напротив, углубляет отчуждение друг от друга» [Эткинд, 1998, с. 132]. По мнению исследователя, персонажи И.А. Гончарова часто обмениваются репликами не к месту, их беседа носит тавтологический характер, они не слышат ни вопросов, ни ответов других, а иногда и вовсе посреди диалога все замолчат («Между собеседниками по большей части царствует глубокое молчание...» [Гончаров, 1979, с. 131], «И опять замолчат» [Гончаров, 1979, с. 131], «... и все погрузилось в молчание» [Гончаров, 1979, с. 134]).

Действительно, если рассматривать диалоги в романе вне их связи с общим замыслом писателя, стремившегося представить в своих произведениях, «как в зеркале, и явления общественной жизни, и нравы, и быт» [Гончаров, 1979, с. 107] и подчеркивающего, что язык – «самое живое и чуть ли не единственное выражение национальности» [Гончаров, 1979, с. 258], то может показаться, что это так:

«– Чего вам? – сказал он, придерживаясь одной рукой за дверь кабинета и глядя на Обломова...

– Носовой платок, скорей! Сам бы ты мог догадаться: не видишь! – строго заметил Илья Ильич...

– А кто его знает, где платок? – ворчал он, обходя вокруг комнату и ощупывая каждый стул, хотя и так можно было видеть, что на стульях ничего не лежит.

– Все теряете! – заметил он, отворяя дверь в гостиную, чтоб посмотреть, нет ли там.

– Куда? здесь ищи! Я с третьего дня там не был. Да скорее же! – говорил Илья Ильич.

– Где платок? нету платка! – говорил Захар, разводя руками и озираясь во все углы. – Да вот он, – вдруг сердито захрипел он, – под вами! Вон конец торчит. Сами лежите на нем, а спрашиваете платка!» [Гончаров, 1979, с. 14].

Перебранка между Обломовым и Захаром, ищущим утерянный носовой платок, однако, не беседа, направленная на выяснение ин-

формации, а обмен, на первый взгляд, малозначащими репликами, в то же время имеющий большое значение для обоих участников. Это общение людей, принимающих друг друга такими, какие они есть – флегматичный, легко раздражающийся по разным пустякам, медлительный Обломов и преданный, любящий своего хозяина, не представляющий жизни без него Захар, в то же самое время очень ревностно относящийся к несправедливым порой обвинениям Обломова. Каждый из них играет предназначенному ему роль, а каждодневное «недовольство» друг другом воспринимается обоими как своего рода обязательный ритуал. Их общение строится по тем же самым канонам, что и общение в милой обоим Обломовке. Таков, например, бесконечный «разговор» старого Обломова с дворовыми:

«– Эй, Игнашка? Чего несешь, дурак? – спросит он идущего по двору человека.

– Несу ножи точить в людскую, – отвечает тот, не взглянув на барина.

– Ну неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!» [Гончаров, 1979, с. 113].

Общение ради общения – так можно охарактеризовать большинство диалогов в романе «Обломов», а тавтологичность содержания диалогов еще раз подтверждает, что общение является ценностью само по себе. И именно такое общение, по мнению И.А. Гончарова, и характеризует разговор «по-русски».

Рассмотрим перевод фрагмента романа на английский язык.

«What is it now, sir? he asked, holding on to the door of the study with one hand, and...looking at Oblomov...

My handkerchief, and be quick about it! You might have thought of it yourself – you never see anything!» Oblomov observed sternly...

«How should I know where your handkerchief is?» he grumbled, walking round the room and feeling every chair with his hand, though one could see there was nothing lying there.

«You're always losing things,» he observed, opening the drawing-room door to see if the handkerchief was there.

«Where are you going? Look for it here! I haven't been there since the day before yesterday. And hurry up, will you?» Oblomov said.

«Where is that handkerchief? Can't see it anywhere!» said Zahar, throwing up his hands and looking round the room.

«Why, there it is,» he suddenly hissed angrily. «It's under you, sir! There's one end of it sticking out! You lie on your handkerchief and then you ask for it!» [Oblomov, 1954, p. 19].

В английском переводе переводчик старательно «достраивает» каждую фразу диалога между хозяином и слугой грамматически («А кто его знает, где платок?» – «How should I know where your handkerchief is?»; «Куда?» – «Where are you going?»), создавая впечатление формального, отстраненного общения. Более того, переводчик вводит в английский текст отсутствующее в русском тексте обращение Захара к Обломову «sir», а также «will you» и пр. достраивая каждую фразу грамматически. Казалось бы, следуя своей стратегии перевода, переводчик «реконструирует» текст во благо читателю, однако, на самом деле, излишне правильный текст полностью разрушает цель, поставленную автором оригинального текста И.А. Гончаровым, для которого, как уже отмечено выше, диалог – это не только и не столько получение конкретной информации, а именно акт общения, установление и подтверждение эмпатии, «растворения» одного собеседника в другом.

Нельзя не отметить, что различия в языковых системах русского и английского языков ограничивают возможности переводчика, однако еще один фрагмент из перевода романа «Обломов» на английский язык подтверждает, что переводчик намеренно следует выбранной им стратегии перевода, не осознавая, что она не только не помогает читателю понять авторский замысел воспроизвести модель общения по-русски, но полностью его (замысел) разрушает:

«– Какая у вас пыль везде! – сказал он.
– Все Захар! – пожаловался Обломов.
– Ну мне пора! – сказал Волков.
За камелиями для букета Мише.
Au revoir» [Гончаров, 1979, с. 21].

«How awfully dusty your room is!» he said.
«It's all Zahar's fault!» Oblomov complained.
«Well, I must be off,» said Volkov. «Must get those camellias for Misha's bouquet. Au revoir» [Oblomov, 1954, p. 27].

Как можно заметить, и в этом фрагменте переводчик до-страивает фразы до их грамматической завершенности, разрушая разговорный синтаксис и лишая фразы их естественности, тавтологичности, непринужденности. Отметим, что все же в ряде случаев переводчик опускает подлежащее («Can't see it anywhere»; «Must get those camellias for Misha's bouquet»), что характерно для разговорной английской речи.

Заключение

Чтение переводной художественной литературы по-прежнему востребовано в современном мире, поскольку отвечает запросам читателей в их стремлении познать «другого». При переводе принятые в данной культуре (в отличие от других в другой культуре) «речевые жанры» оказываются особенно уязвимы. Отметим, что проблема заключается не столько в том, что переводчику не хватает компетенций передать их содержание средствами другого языка, сколько в том, что этот аспект перевода, как правило, переводчиками игнорируется как недостаточно важный. Принятые в одной культуре «речевые жанры» при переводе «автоматически» заменяются принятыми в принимающей переводное произведение культуре «речевыми жанрами». Разумное сочетание стратегий доместикации и форенизации, а также вдумчивый предпереводческий анализ переведимого произведения могли бы позволить читателю увидеть и оценить своеобразие национального дискурса, понять различия между ним и дискурсивными практиками принимающей культуры.

Список литературы

- Базылев В.Н., Войнич И.В. Foreignizing strategies in translation // Основные понятия англоязычного переводоведения : терминологический словарь-справочник. – Москва : ИНИОН РАН, 2011. – С. 80–83.
- Базылев В.Н., Войнич И.В. Domesticating strategies in translation // Основные понятия англоязычного переводоведения : терминологический словарь-справочник. – Москва : ИНИОН РАН, 2011. – С. 57–60.
- Бахтин М.М. Теория речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 5 : Работы 1940–1960 гг. – Москва : Русские словари, 1997. – С. 159–206.
- Гончаров И.А. Собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Художественная литература, 1979. – Т. 4 : Обломов. – 534 с.
- Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. – Москва : Художественная литература, 1977. – Т. 8 : Статьи, заметки, рецензии, письма. – 559 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 2007. – 328 с.
- Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. – Москва : Флинта : Наука, 2007. – 320 с.
- Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. – Москва : Языки славянской культуры, 1998. – 450 с.

- Ehre M. Oblomov and His Creator. The Life and Art of Ivan Goncharov.* – Princeton (New Jersey) : Princeton Univ. Press, 1973. – IX, 295 p.
- Goncharov I. Oblomov /* Translated and with an Introduction by D. Magarshack. – London : Penguin Books, 1954. – 485 p. – URL: <https://www.bookfrom.net/ivan-goncharov/43426-obломов.html>

References

- Bazylev, V.N., Vojnich, I.V. (2011). Foreignizing strategies in translation. In: *Osnovnye ponjatija anglojazychnogo perevodovedenija: Terminologicheskij slovar'-spravochnik* (pp. 80–83). Moscow: INION RAN.
- Bazylev, V.N., Vojnich, I.V. (2011). Domesticating strategies in translation. In: *Osnovnye ponjatija anglojazychnogo perevodovedenija: Terminologicheskij slovar'-spravochnik* (pp. 57–60). Moscow: INION RAN.
- Bahtin, M.M. (1997). Teorija rechevyh zhanrov. In: Bahtin, M.M. Sobranie sochinenij. Vol. 5: Raboty 1940–1960 (pp. 159–206). Moscow: Russkie slovari.
- Goncharov, I.A. (1977). Statii, заметки, recenzii, pisma. In: Goncharov, I.A. Sobranie sochinenij. Vol. 8. Moscow: Hudozhestvennaja literatura.
- Goncharov, I.A. (1979). Oblomov. In: Goncharov, I.A. Sobranie sochinenij. Vol. 4. Moscow: Hudozhestvennaja literatura.
- Prohorov, Ju.E., Sternin, I.A. (2007). Russkie: kommunikativnoe povedenie. Moscow : Flinta : Nauka.
- Sergeeva, A.V. (2007). Russkie: stereotipy povedenija, tradicij, mentalnost. Moscow : Flinta: Nauka.
- Jetkind, E.G. (1998). «Vnuttrennij chelovek» i vneshnjaja rech': Ocherki psihopojetiki russkoj literatury XVIII–XIX vv. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- Ehre, M. (1973). Oblomov and his creator. The life and art of Ivan Goncharov. Princeton (New Jersey): Princeton Univ. Press.
- Goncharov, I. (1954). Oblomov. Translated and with an introduction by D. Magarshack. London: Penguin Books. Retrieved from: <https://www.bookfrom.net/ivan-goncharov/43426-obломов.html>